

тафізічны змест вобраза ігнаруецца; настаўнік і вучні мімавольна адмаўляюцца ад Вышэйшага маральнага ідэалу (ад першага актанта трыадзінай эмпацыі).

Літаратуразнаўчы даследванні, звернутыя да школы, таксама будуюцца па хібнай дваадзінай схеме. Звернемся да прыкладу: у 2004 годзе Выдавецкім Саветам Рускай Праваслаўнай Царквы была надрукавана кніга дыякана Андрэя Кураева «*Мастер и Маргарита*»: за Христа или против?». Мы з вялікім піетэтам стасуемся да шляхетнай дзейнасці паважанага дыякана. Але з пытаннем, выкладзеным у назве кнігі, пагадзіцца нельга, паколькі яно дваадзінае, гэта значыць – бязбожнае. Палеміка ў даным выпадку непазбежная: па кніжцы Кураева выкладае раман М. Булгакава шмат хто ў школе і ў ВНУ.

Першая загана згаданай назвы, на наш погляд, у тым, што знакаміты раман патрактаваны ў ёй як з'ява выключна публіцыстычная. Але ж вядома, што грамадска-палітычная састаўляючая прадстаўляе сабою толькі частку (зусім не вырашалную) мастацкага вобразнага зместа. Знешняе падабенства сцэн з узделам Понтыя Пілата і Га-Ноцры да евангельскага сюжэту не можа прывесці да адказу на пытанне, заяўленае ў назве кнігі Кураева. Сцэны гэтыя архетапічныя, гэта значыць, прадстаўляюць сабою векавечную калізію «улада і паэт». Размова гэтых двух персанажаў па сваёй маральнай сутнасці блізкая да дыялогу Пана Патоцкага з Гусляром (Янка Купала «Курган»), фашыскага жандарма з камсамольцам з верша А.Куляшова «Камсамольскі білет», Воўка з Ягняцем у байцы і А.Крылова, медычнай камісіі з Ёзэфам Швейкам у рамане Яраслава Гашэка і г.д.

Калі падысці да падобнай сюжэтай сітуацыі з трыадзінай пазіцыі, дык можна ўбачыць, што ў творы М. Булгакава праз канкрэтныя сюжэтыныя абставіны выказаны уласны боль пісьменніка не толькі ад сацыяльнай дысгармоніі, але перш за ўсё ад дысгармоніі ў душы кожнага чалавека. Пілат і Га-Ноцры – выступаюць як дзве асобныя істоты толькі ў сюжэце рамана. У «сюжэце» метафізічным, Божым, гэта значыць, ва ўнутраным сусвеце чытача яны – алегарычныя увасабленні розных духоўных стыхій, субстанцый *адной і той жа* асобы.

З гэтага вынікае адна з асаблівасцей трыадзінага падыходу да мастацкага тэксту, сутнасць якога – у прызнанні, што мастацкая кніга распаўядае пра самога мяне – чытача. Разумець сюжэт як апісанне чыёгасці іншага жыцця немаральна. «Падглядваць», да прыкладу, за Куторгам з «Пінскай шляхты» Дуніна-Марцінкевіча бесперспектыўна: Куторга – адно з вобразных увасабленняў маёй, чытача, асобы. Нездарма Гараднічы з гогалеўскага «Рэвізора» прамаўляе несмяротнае: «Над кем смеётесь? Над собой смеётесь!».

Выказванне Гараднічага – можа быць, галоўная вобразная формула падставовага мэтадычнага прыцыпа: на ўроку літаратуры трэба спавядальна «смяцца над сабою». Гэта значыць – праз пасрэдніцтва геніяльнай камедыі ствараць у класе ці ў аўдыторыі настрой храма, царквы, малітвы. Лёгка, проста і бяспечна разводзіць пра тое, што «у сваім творы драматург прадставіў ганебныя норавы тагачаснага грамадства і г.д.». Над кім смеяцца? Урок, лекцыя –

гэта ж апошні (і адначасова пачатковы) этап трыадзінага суперажывання! «Не судзіце ды не судзімы будзеце».

Калі так, дык пытанне Кураева не вытрымлівае крытыкі і ў этычным сэнсе. «Майстар і Маргарыта» са ўсімі сваімі персанажамі і перыпетыямі – гэта я сам – шматгранны і да нечаканасці непрадказальны. Таму, чытаючы роман пра Воланда, трэба пытацца толькі ў самога сябе: «За Хрыста я ці супраць?». Такое пытанне, на наш погляд, насамрэч годнае асэнсавання.

Эмпатыя ставіць свае пытанні і да вывучэння асобы пісьменніка. Ніхто не спрачаецца з тым, што гэтую асобу трэба вывучаць. Але як? У імя чаго? Дамовіліся ж, што першааўтарам твора з'яляецца не чалавек, хаця ж бы і найталенавіцейшы. Працуюць маякаведы, горкаведы, быкаведы... Штосьці штучнае і двухсэнсоўнае гучыць у гэтых словах... Шанцуе класіку, да вывучэння асобы якога пыдыход трыадзіны. А калі не? Колькі бруду пра вядомых твораў літаратуры прыносіць сёння нам сучасная «жоўтая» прэса! Ды ці толькі яна?

Не аднойчы на ўроку *творчую індывідуальнасць мастака* настаўнік блытае з інтымнымі *фактамі жыцця чалавека*, які працаваў над творам. Калі першая выцякае з мастацкага тэксту і спавядальна існуе сярод чытачоў, дык дакранацца да другіх – забаронена ў прыцыпе: пісьменнік (жывы ці пайшоўшы з жыцця) мае права на канфедэнцыяльнасць асабістага жыцця. Над кім смяемся? Зараз усё часцей *літаратуразнаўства* замяняецца *літаратаразнаўствам*.

Чаму вывучэнне творчасці таго ці іншага пісьменніка мы пачынаем найчасцей не з мастацкага тэкста? Чаму дайшоўшы да тэкста, як галоўную вылучаем публіцыстычную састаўляючую яго? Можа, таму, што загляблене ў праўду Усявышняга ў тэксце патрабуе прылюднай асабістай і ўзаемнай споведзі? Таму сапраўднае вывучэнне літаратуры падмяняем уяўнасцю, праформай, фікцыяй. Значыць, рыхтуем у школе «эрудытаў», якія ведаюць пра пісьменніка і яго эпоху амаль усё, але не прачыталі ані воднага радка мастацкага тэкста.

А, можа, да гэтакіх штукароў належу я сам? А ён? А яна? Дык дзеля чаго ж уздымаць устрыважаны голас: «Чаму мы перасталі чытаць кнігі?» Пытанне «твор за ці супраць Хрыста?» – згодна з трыадзіным суперажываннем – з'ява немажлівая: мастацтва сваім аб'ядноўваючым служэннем ўзаўсёды «за» давер, за «палюбі блізкага свайго». Раман М. Булгакава – таксама. Пытанне, якое гучыць у назве кнігі А. Кураева, ставіць нас амаль што не ў інквізіцыйныя суадносіны з «Майстрам і Маргарытай». Мы сувора пытаемся, а твор павінен бараніцца перад намі.

Возьмем школьную праграму і да кожнага з вывучаемых твораў паставім пытанне: за Хрыста ён ці супраць? Напрыклад, прачытаем пад гэтым контам камедыю Кандрата Крапівы «Хто смяецца апошні?». Тут жа ёсць свой «Пілат» – Гарлахвацкі. Туляга у канцы твора вырашыўся супроцьстаяць уладарнаму дырэктару інстытута. Ды ці трэба падобнае пытанне ставіць? Можа, патрэбнай было б уцяміць, што я, канкрэтны чытач, – і Гарлахвацкі, і Туляга.

Материал поступил в редакцию 11.10.15

POTOLKOV Yu.V. Traditional approach to the perception of literary text

In the article the principles of empathic study of literature are examined. Based on this approach literary work is perceived as a result of interaction of three creative spiritual beings: the Almighty, the writer and the reader. Among other things the author argues with Deacon Andrei Kuraev about the title of his book "The Master and Margarita": for Christ or against Him.

УДК 356.87

Лотова И.П.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

В различных областях психологии методологические трудности проявляются в разной степени. Особенно явно они просматриваются

в тех областях психологии, которые занимаются проблемами личности и сознания. Методологические проблемы психологической науки,

Лотова Ирина Петровна, доктор психологических наук, профессор Института изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования.

Российская Федерация, ФГБНУ Индсв РАО, г. Москва, ул. Погодинская, 8.

Гуманитарные науки

как известно, активно обсуждалось в трудах многих ведущих психологов (С.Л. Рубинштейна, А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурия, П.Я. Гальперина, М.Г. Ярошевского, Б.Ф. Ломова, В.П. Зинченко и С.Д. Смирнова, Г.М. Андреевой, А.В. Брушлинского, О.К. Тихомирова, Н.И. Чуприковой и др.) [6, с. 77].

В результате сложилась устойчивая естественнонаучная парадигма, в рамках которой были получены многие достижения отечественной психологической науки, признанные мировой научной общественностью. Однако формирование методологических принципов психологической науки (общих и частных) не завершено. Об этом свидетельствует и та ситуация, в которой оказалась современная психология, – ситуация методологического кризиса.

Сама "возможность психологии как науки есть методологическая проблема прежде всего", – отмечал Л.С. Выготский. "Ни в одной науке нет стольких трудностей, неразрешимых контроверз, соединения различного в одном, как в психологии. Предмет психологии – самый трудный из всего, что есть в мире, наименее поддающийся изучению; способ ее познания должен быть полон особых ухищрений, чтобы получить то, чего от него ждут". И далее: "Ни одна наука не представляет такого разнообразия и полноты методологических проблем, таких туго затянутых узлов, неразрешимых противоречий, как наша. Поэтому здесь нельзя сделать ни одного шага, не предприняв тысячу предварительных расчетов и предостережений" [2, с. 34].

Итак, первая причина особой заинтересованности психологии в методологических разработках заключается в сложности и многоплановости самого предмета исследования, его качественном своеобразии.

Вторая причина заключается в том, что психология накопила огромное количество эмпирического материала, который просто невозможно охватить без новых методологических подходов. Обе эти причины тесно связаны между собой, как и с десятком других, которые можно было бы перечислить, обосновывая особую потребность психологии в методологических ориентирах.

Но отметим еще одно важнейшее основание исключительно высоких требований к методологической грамотности любого психологического исследования, тем более что это требование редко обсуждается на страницах психологической литературы.

Речь идет об особой ответственности психолога за публикуемые им результаты и выводы о сущности психического и детерминантах его развития. Выводы, основанные на непропорциональном обобщении результатов частных исследований, перенос данных, полученных при изучении животных, на человека, а при изучении больных – на здоровых людей и т.п., приводят к циркуляции в общественном сознании идей, искаженно отражающих природу человека и ведущих к отрицательным социально-политическим последствиям. Большая ответственность лежит и на психологах, работающих с людьми и участвующих в диагностике и прогнозировании профессиональной пригодности, уровня развития, в постановке клинического диагноза, в проведении судебно-психологической экспертизы. Работа в этих сферах требует от психологов хорошей методологической и методической подготовки.

Следует обратить внимание на широко распространенную и типичную именно для психологии методологическую ошибку, заключающуюся в некритическом заимствовании и использовании подходов и процедур (прежде всего тестов), разработанных применительно к людям совсем другой культуры, иной социально-экономической общности. Такая практика тем более недопустима, когда в оригинальных вариантах тестовые методы, например, обладают рядом принципиальных недостатков.

Проблема конструирования единиц анализа, адекватных той или иной предметной области исследования или данному конкретному предмету той или иной науки, решается как на уровне философской методологии, так и на уровне методологии конкретно-научной. В психологической литературе нам не удалось найти строгого определения единицы анализа психики. Она характеризуется либо как универсальная (элементарная или структурная) составляющая психики; либо как ее детерминанта (в этом случае она выступает не столько в роли единицы анализа, сколько в роли объяснительного принципа); либо, наконец, как генетически исходное основание развития всей психики.

Соотношение между этими тремя моментами в характеристике единиц анализа в разных направлениях психологии весьма различно.

Во-первых, общим для них является недостаточная рефлексия по поводу единиц анализа психики. Эта недостаточность рефлексии выражается в нечеткости определения гносеологического и онтологического статуса выделяемых единиц и соответственно – в нечеткости определения их функций. Во-вторых, что более важно, психологи не формулировали нормативных требований к единицам анализа с точки зрения их соответствия (и возможности реконструкции на их основе) нередуцируемой психологической реальности (онтологический план) и не формулировали нормативных требований к единицам анализа с точки зрения логики той или иной философской традиции (гносеологический план). Поэтому нередко мотивация и обоснование выделения единиц анализа остаются за пределами исследования.

Как известно, наиболее сложной и дискуссионной в современной психологии остается проблема соотношения биологического и социального начал в структуре личности человека. Сама постановка данной проблемы в науке основывается на очевидном сочетании в каждом человеке большого количества свойств, *одни из которых традиционно изучаются биологическими дисциплинами* (генетика, физиология, антропология и др.), другие же описываются в терминах гуманитарных наук (философия, психология, социология и др.). При этом представители различных областей знания используют для анализа проблемы специфическую терминологию, рассматривают основной объект – человека – в разных аспектах.

Другой актуальной методологической проблемой психологических исследований остается механический перенос методов и теоретических схем одной науки в другую, что ведет к таким упрощениям, которые смазывают качественные различия изучаемых явлений. Происходит «соскальзывание» с одного предмета на другой. Данное явление получило название «редукционизм» [7, с. 71]. Обсуждая проблему редукционизма, важно иметь в виду одну тонкость.

Если методы и концептуальные схемы других наук применяются в психологии для исследования места и роли психических явлений в системе других явлений действительности, что позволяет вскрыть их предпосылки и основания их качественного своеобразия, то это не только допустимо, но и необходимо. Когда же эти методы и схемы абсолютизируются, применяются без учета качественных различий изучаемых явлений, тогда действительно возникает опасность подмены предмета исследования – редукционизм в дурном смысле слова: делается вывод о том, будто бы то, что в эти схемы не укладывается и этими методами не обнаруживается, не существует. Такой способ использования достижений пограничных наук есть не что иное, как проявление метафизического подхода. Для психологии (и не только для нее) опасно не само по себе применение методов и теорий, сложившихся в других науках, страшны непропорциональное расширение сферы их действий, их абсолютизация. Каждая теоретическая схема, каждое понятие, каждый метод, заимствованные из других наук, должны пройти через «горнило методологии».

Рассмотрим методологические проблемы, возникающие при использовании различных методов психологического исследования.

Опросы – весьма распространенный прием в социально-психологических исследованиях, вызывающий, пожалуй, наибольшее число нареканий. Обычно критические замечания выражаются в недоумении по поводу того, как же можно доверять информации, полученной из непосредственных ответов испытуемых, по существу из их самоотчетов. Обвинения такого рода основаны или на недоразумении, или на абсолютной некомпетентности исследователей в области проведения опросов.

Среди многочисленных видов опросов наибольшее распространение получают в социальной психологии интервью и анкеты (особенно при исследованиях больших групп). Главные методологические проблемы, которые возникают при применении этих методов, заключаются в конструировании вопроса.

Первое требование здесь – логика построения его, предусмотрение того, чтобы вопросник доставлял именно ту информацию, которая требуется по гипотезе, и того, чтобы информация эта была максимально надежной [10, с. 55].

Существуют многочисленные правила построения каждого вопроса, расположения их в определенном порядке, группировки в отдельные блоки и т.д. В литературе подробно описаны типичные

ошибки, возникающие при неграмотном конструировании вопросника [1, с. 34]. Основное требование – вопросник не должен требовать ответов «в лоб». Важно, чтобы содержание его было понятно автору лишь при условии проведения определенного замысла, который изложен не в вопроснике, а в программе исследования, в гипотезе, построенной исследователем. Конструирование вопросника – труднейшая работа, она не может выполняться поспешно, ибо всякий плохой опросник служит лишь компроматации метода.

Отдельная большая проблема – применение интервью, поскольку здесь имеет место взаимодействие интервьюера и респондента, которое само по себе есть некоторое социально-психологическое явление. В ходе интервью проявляются все описываемые в социальной психологии способы воздействия одного человека на другого, действуют все законы восприятия людьми друг друга, нормы их общения. Каждая из этих характеристик может влиять на качество информации, может привносить еще одну разновидность «субъективности». Но нужно иметь в виду, что все эти проблемы не являются новыми для социальной психологии, по поводу каждой из них разработаны определенные «противоядия», и задача заключается лишь в том, чтобы с должной серьезностью относиться к овладению этими методами. В противовес распространенному непрофессиональному взгляду, что опросы – самый «легкий» для применения метод, можно смело утверждать, что хороший опрос – это самый «трудный» метод социально-психологического исследования.

Тесты не являются специфическим социально-психологическим методом, они широко применяются в различных областях психологии.

Когда говорят о применении тестов в социальной психологии, имеют в виду чаще всего личностные тесты, реже – групповые тесты [9, с. 17]. Как известно, тест – это особого рода испытание, в ходе которого испытуемый выполняет или специально разработанное задание, или отвечает на вопросы, отличающиеся от вопросов анкет или интервью. Вопросы в тестах носят косвенный характер. Смысл последующей обработки состоит в том, чтобы при помощи «ключа» соотнести полученные ответы с определенными параметрами, например, характеристиками личности, если речь идет о личностных тестах. Большинство таких тестов разработано в патопсихологии, где их применение имеет смысл лишь в сочетании с методами клинического наблюдения. В определенных границах тесты дают важную информацию о характеристиках патологии личности.

Обычно считают наибольшей слабостью личностных тестов то их качество, что они схватывают лишь какую-то одну сторону личности. Этот недостаток частично преодолевается в сложных тестах, например, тесте Кеттелла или тесте MMPI. Однако применение этих методов не в условиях патологии, а в условиях нормы требует многих методологических корректив. Самый главный вопрос, который возникает здесь, – это вопрос о том, насколько значимы для личности предлагаемые ей задания и вопросы; в социально-психологическом исследовании – насколько можно соотнести с тестовыми измерениями различных характеристик личности ее деятельность в группе и т.д. Наиболее распространенной ошибкой является иллюзия о том, что стоит провести массовое тестирование личностей в какой-то группе, как все проблемы этой группы и личностей, ее составляющих, станут ясными.

Эксперимент уже давно считается в психологии важнейшим методом исследования. Полемика вокруг возможностей и ограниченностей экспериментального метода в этой области является одной из самых острых полемик по методологическим проблемам в настоящее время. В разных психологических дисциплинах используются и различные типы эксперимента.

Особенно интенсивно развиваются в психологии методы лабораторного эксперимента. Это и понятно, если иметь в виду, что в лабораторном эксперименте обеспечиваются наибольшие возможности управления условиями и факторами ситуации, которые определяют характер работы испытуемого, регистрации и измерения его действий, их математической обработки [3, с. 69].

Большие трудности, возникающие в лабораторном, да и в любом ином психологическом эксперименте, связаны с тем, что в его результатах неизбежно проявляется действие того, что принято называть субъективными факторами. Не меньшие трудности связаны также с тем, что в экспериментальных исследованиях, которые

проводятся с людьми, существенным фактором являются влияния на испытуемого со стороны экспериментатора и самой процедуры эксперимента. Они не всегда учитываются, но они всегда есть и нередко определяют результаты эксперимента. Вопрос о влиянии экспериментатора и самого построения эксперимента на изучаемые психические явления особенно остро стоит в тех случаях, когда дело касается таких проблем, как мотивация, способности, эмоциональные состояния и т. д. [4, с. 13]. Понимая эту трудность, исследователи часто идут по пути поиска путей нивелирования рассматриваемого фактора. Но есть и другой путь – сознательного и целенаправленного его использования в исследовании психических явлений. Этот путь реализуется в формирующем эксперименте, который для понимания детерминаций психических явлений может дать больше, чем эксперимент, просто фиксирующий состояния, как бы протекающие вне зависимости от него.

Современная психология располагает довольно богатым арсеналом методов исследования. К сожалению, многие из них не нашли еще того распространения, которого они заслуживают. Особенно важно отметить естественный эксперимент, идея которого принадлежит А.Ф. Лазурскому. Этот метод позволяет проводить исследования в реальных жизненных ситуациях, не нарушая их естественного хода.

Между тем естественный эксперимент используется в психологических исследованиях до сих пор недостаточно, тогда как, при условии серьезно теоретически обоснованной разработки принципов, схем построения и «технологии» этого метода, он обеспечил бы возможность получать данные, не уступающие по надежности и точности тем, на которые обычно рассчитывают при проведении лабораторного эксперимента. Недостаточно разработаны также приемы и способы психологического анализа продуктов деятельности и ряд других методов.

Одна из важнейших задач психологии на современном этапе развития заключается в том, чтобы рассмотреть все разнообразие используемых ею методов как единую систему, раскрыть «разрешающую способность» и ограничения каждого из них, а также условия и возможности взаимопереходов между ними с учетом логики проводимого исследования. Ценность каждого исследовательского метода определяется, в конце концов, тем, насколько он позволяет получать добротные и надежные научные факты. Вопрос об отношении к факту в психологической науке не прост. Психолог нередко сталкивается с тем, что в сходных фактах проявляются различные психологические реальности, а факты, различные или даже противоречивые, свидетельствуют о действии одной и той же закономерности. Между тем иногда экспериментальную психологию рассматривают просто как область накопления и описания объективно наблюдаемых фактов. Действительно, фактов накапливаются горы, но это мало продвигает науку по пути познания закономерностей, управляющих психическими явлениями.

На основе анализа развития психологии Я.А. Пономарев выделил три типа психологического знания: созерцательно-объяснительный, эмпирический и действенно-преобразующий.

Созерцательно-описательное знание непосредственно формируется в житейском опыте и фиксирует лишь поверхность явлений. Теоретические представления, связанные с этим типом знания, заимствуются из других наук и в силу этого не отражают сущности психологических событий.

Эмпирический тип знания формируется в недрах созерцательно-описательного, трансформируя и включая в себя его содержание. В нем не учитываются внутрисубъективные преобразования. В этом типе знания фиксируется способ практического воздействия на объект исследования, приводящий к эффекту. Тем самым выявляется эмпирическая закономерность. Эмпирический тип имеет непосредственную связь с практикой, расширяющийся ряд практических задач приводит к эмпирической многоаспектности.

Действенно-преобразующий тип знания формируется в недрах эмпирического, трансформируя и включая в себя его содержание. Он связан с выработкой объективных критериев упорядочивания эмпирической многоаспектности. В процессе его формирования выделяется специфический предмет исследования, и вскрываются внутрисубъективные взаимосвязи. Связь с практикой становится опосредованной. Формируется сложная стратегия исследования, позволяющая управ-

лять изучаемыми явлениями и раскрывать закономерности в ходе активного воздействия на них. Именно действенно-преобразующий тип знания и становится в современной психологии основным.

И наконец. Средством реализации всех этих требований является построение программы социально-психологического исследования. При наличии тех методологических трудностей, о которых говорилось выше, важно в каждом исследовании четко обозначить, эксплицировать решаемые задачи, выбор объекта, сформулировать проблему, которая исследуется, уточнить используемые понятия, а также системно обозначить весь набор используемых методов. Это во многом будет способствовать "методологической оснащенности" исследования. Именно при помощи программы можно проследить, каким образом каждое исследование включается в "социальный контекст".

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Батыгин, Г.С. Лекции по методике конкретных социальных исследований: учебник для студентов гуманитарных вузов и аспирантов. – М., 1972. – 276 с.

2. Выготский, Л.С. Исторический смысл психологического кризиса: методологическое исследование. – М.: Педагогика. – 1982. – Т.1. – 436 с.
3. Жуков, Ю.М. Эксперимент в социальной психологии: проблемы и перспективы / Ю.М.Жуков, И.А. Грегоржевская // Методология и методы социальной психологии. – М., 1977.
4. Кэмбелл, Д. Модели экспериментов в социальной психологии и прикладных исследованиях / Пер. с англ. – М., 1980.
5. Леонтьев, А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М., 1975.
6. Московичи, С. Общество и теория в социальной психологии // Современная зарубежная социальная психология. Тексты. – М., 1984.
7. Пэнто, Р. Методы социальных наук / Р. Пэнто, М. Гравитц; пер. с фр. – М., 1972.
8. Саганенко, Г.Н. Социологическая информация. – Л., 1977.
9. Свенцицкий, А. Социально-психологическое исследование / А. Свенцицкий, В.Е. Семенов // Методы социальной психологии. – Л., 1977.
10. Ядов, В.А. Социологическое исследование. Методология, программа, методы. – Самара, 1995.

Материал поступил в редакцию 16.11.15

LOTOVA I.P. Methodological problems of psychological researches and way of their decision

The article is sanctified to the methodological problems of psychological researches. An author analyses the grounds of rigorisms to methodological literacy of any psychological research; examines methodological problems arising up at the use of different methods of psychological research (questioning, interview, test, experiment) and way of their decision.

УДК 349.6:502.52

Речиц Е.В.

К ВОПРОСУ О ФОРМАХ СОБСТВЕННОСТИ НА ВОДНО-БОЛОТНЫЕ УГОДЬЯ

Введение. Водно-болотные угодья – это наиболее продуктивные экологические системы мира [1, с. 9]. Как отмечают ученые и практические работники [1, с. 10–12; 2, с. 8; 3], взаимодействие физических, биологических и химических компонентов водно-болотных угодий позволяет им выполнять многие жизненно важные природные функции, в том числе сохранение биологического и ландшафтного разнообразия биосферы. Водно-болотные угодья обеспечивают условия для осуществления водоснабжения, рыболовства, сельского хозяйства, заготовки древесины, энергообеспечения, ведения охотничьего хозяйства, туризма и иных видов природопользования. Кроме того, водно-болотные угодья представляют собой научный ресурс и имеют учебно-культурное значение.

Важная роль водно-болотных угодий в природе, и для человечества в частности, обуславливает необходимость четкого и единого подхода к установлению правового режима водно-болотных угодий. Отдельные аспекты правового регулирования использования и охраны водно-болотных угодий рассматривались в трудах Балашенко С.А., Жлобы А.А., Зайчука Г.И., Лаевской Е.В., Лизгаро В.Е., Макаровой Т.И., Мороза О.В., Шахрай И.С., Шингель Н.А. и других ведущих белорусских ученых.

Сильное влияние на устойчивость управления водно-болотными угодьями оказывает право собственности, определяющее порядок доступа к природным ресурсам водно-болотных угодий, право участия в процессе принятия экологически значимых решений и регулирования отдельных видов использования водно-болотных угодий и обращения с отходами на территориях, на которых расположены водно-болотные угодья. Однако вопросу о формах собственности на водно-болотные угодья должно уделяться внимание в отечественных научных исследованиях до сих пор не уделялось [4, с. 64].

Водно-болотные угодья представляют собой различные местообитания, для которых вода является основным фактором, контролирующим состояние окружающей среды и определяющим условия жизни растений и животных. Водно-болотные угодья встречаются там,

где водное зеркало постоянно или относительно продолжительно периодически находится на поверхности или близко к поверхности земли. Многообразие водно-болотных угодий включает в себя 42 типа экологических систем, сгруппированных в три категории: морские и прибрежные водно-болотные угодья, континентальные водно-болотные угодья и антропогенные водно-болотные угодья [1, с. 79–81].

Право собственности на водно-болотные угодья в объективном смысле представляет собой совокупность правовых норм, закрепляющих принадлежность компонентов водно-болотных угодий соответствующим субъектам, регулирующих порядок и условия владения, пользования и распоряжения компонентами водно-болотных угодий и обеспечивающих защиту прав и законных интересов собственника, в субъективном смысле – правомочия конкретного собственника компонентов водно-болотных угодий владеть, пользоваться и распоряжаться ими в пределах, установленных законом [5, с. 73].

Право собственности на водно-болотные угодья устанавливается Конституцией Республики Беларусь от 15 марта 1994 г. (с изм. и доп., принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.) [6] и регулируется Гражданским кодексом Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. № 218-3 (в ред. от 15.07.2015 г.) [7], Законом Республики Беларусь от 15 июля 2010 г. № 169-3 «Об объектах, находящихся только в собственности государства и видах деятельности, на осуществление которых распространяется исключительное право государства» (в ред. от 31.12.2014 г.) [8], актами законодательства Республики Беларусь об охране окружающей среды, об особо охраняемых природных территориях, об охране и использовании земель, об охране и использовании вод, об использовании, охране и защите лесов, об охране и использовании животного мира, о растительном мире и иными актами законодательства Республики Беларусь.

На основании ст.13 Конституции Республики Беларусь от 15 марта 1994 г. (с изм. и доп., принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.) и ст. 213 Гражданского кодекса Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. № 218-3 (в

Речиц Екатерина Викторовна, старший преподаватель кафедры социально-политических и исторических наук Брестского государственного технического университета.

Беларусь, БрГТУ, 224017, г. Брест, ул. Московская, 267.